

Научная статья
УДК 81'286
doi: 10.17223/19986645/81/3

Русская диалектная речь в условиях синтеза бесписьменной народно-речевой традиции с элементами письменной речевой культуры (на материале речи диалектоносителей-старообрядцев)

Ольга Юрьевна Крючкова¹

¹ *Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, vpks@rambler.ru*

Аннотация. На материале речи диалектоносителей-старообрядцев показан синтез черт устного диалектного общения с элементами книжно-письменных дискурсов, что рассматривается как один из вариантов общей динамики народной речевой традиции. В целом изменения в диалектной коммуникации, связанные с распространением грамотности среди диалектоносителей, носят вариативный характер, определяются источником грамотности, конкретным кругом письменных текстов, которые входят в коммуникативную компетенцию диалектоносителя.

Ключевые слова: русская диалектная речь, письменная речевая культура, старообрядцы

Для цитирования: Крючкова О.Ю. Русская диалектная речь в условиях синтеза бесписьменной народно-речевой традиции с элементами письменной речевой культуры (на материале речи диалектоносителей-старообрядцев) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 51–68. doi: 10.17223/19986645/81/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/81/3

Russian dialect speech in conditions of synthesis of oral popular speech tradition with written speech culture elements (based on the speech of dialect-speaking Old Believers)

Olga Yu. Kryuchkova¹

¹ *Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation, vpks@rambler.ru*

Abstract. The peculiarities of a new stage in Russian traditional popular culture, dating from the first half of the 20th century, when many dialect speakers began to read and write, require to study the influence that is exerted on oral dialect communication by written speech. Today, in dialect speech, we need to distinguish the features originated from the oral character of this form of communication from the unwritten character of folk speech culture as a foundation of dialect communication,

and from the inclusion of written components in the language consciousness of dialect speakers. The analysed material is the speech of dialect speaking Old Believers from the village Belogornoe in Saratov Oblast; the object of observation is the peculiarities of inclusion of written culture elements into the dialect speech; the main research method is the text-based analysis of dialect speech. Literate dialect speaking Old Believers' speech is typically dialectal – by its phonetic and grammatical structure, its lexical specificity, its communicative organization, as well as from the point of view of verbalized features distinguishing the dialect speakers' consciousness. At the same time, the informants' speech represents a specific synthesis of oral dialect communication features with penetrating elements of bookish and written discourses, mainly religious one. The interaction of the dialect speech basis with other discursive elements can be seen in the lexical composition of dialect speaking Old Believers' speech, in the manner of coping with the inclusions from other discourses, in the functioning of heterogeneous language units, as well as in the forms of linguistic reflection. While remaining basically dialectal with its non-functional variability as a distinguishing feature of dialectal communication, the speech of literate dialect speakers is characterized by some elements of linguistic means' functional distribution and by the strengthening of meta-linguistic reflection. The authors conclude that changes in dialect communication, connected with the expansion of literacy among dialect speakers, have a variable character. They are determined by the source of literacy and by the circle of written texts constituting the communicative space of a dialect speaker. The peculiarities of synthesizing written culture with the Old Believers' dialect speech are a variant of the general dynamics of folk speech tradition.

Keywords: Russian dialect speech, written speech culture, Old Believers

For citation: Kryuchkova, O.Yu. (2023) Russian dialect speech in conditions of synthesis of oral popular speech tradition with written speech culture elements (based on the speech of dialect-speaking Old Believers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 81. pp. 51–68. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/81/3

Введение

Приобщение диалектоносителей к грамоте, освоение элементов письменной речевой культуры – это важный цивилизационный переход, меняющий характер народно-речевой традиции и определяющий актуальность новых фокусов исследовательского внимания [1].

Сегодня изучение русской диалектной речи требует осознания того, что следует разграничивать свойства, порождаемые устностью (например, явления, связанные с неподготовленностью, спонтанностью высказываний, ситуативностью речи), бесписьменностью коммуникации (например, слабое осознание речи, нефункциональная вариативность как одно из значимых отличий диалектной речи от речи литературной [2. С. 147; 3. С. 55]), и свойства, обусловленные приобщением диалектоносителей к письменной культуре. Если устность и бесписьменность традиционной народной культуры относятся к ее исконным, онтологическим чертам (см., например, [4]) и представляют собой явления хорошо изученные, то особенности нового этапа существования традиционной культуры (с первой половины XX в.),

включающей элементарную грамотность, исследованы еще недостаточно (на материале словообразования эта проблематика исследовалась Т.Н. Поповой). Между тем изменение характера народной культуры осознается и самими диалектоносителями, ср.: *от оне эти топерь сказки-ти / оне и писаны все.*

Синтезирование в устную народно-речевую традицию элементов письменной культуры хорошо прослеживается на примере речи диалектоносителей, принадлежащих к старообрядческому направлению русского православия. Исследователями отмечен книжно-письменный характер старообрядческой культуры (см., например, [5]); в круг знаний старообрядцев в той или иной степени включены письменные религиозные тексты, нередко цитируемые ими. Умение читать и писать является частью языкового существования диалектоносителей-старообрядцев не в одном поколении (ср.: *Вот у меня мать – она всё повести читала,* – вспоминает староверка 1912 г.р.). Нередко основными или первыми источниками овладения грамотой становились религиозные тексты. Ср. воспоминания пожилых старообрядцев: (информант 1920 г.р.) *чѣтыре/ чѣтыре класса/ чѣтыре класса/ ну тода ведь она/ школа-то открылась [в 1933 г.]/ мне уж было наверно лет/ двѣнацать/ первого-то класса пошёл я/ наверно так вот было// потому что прежде не учились// ну я/ я правда/ я училси у старушки у одной/ много нас училось божесвенному/ вот по-божесвенному/ я кончил азбуку/ азбуку кончил/ и псалтирь токо начал;*

(информант 1930 г.р.) *я по божественному читаю/ и азбуку знаю божественну/ всё/ я как самоучкой вообще выучилси// а почему я выучилси?/ мама поёт молица/ и я с ней/ и меня как всё равно затянуло/ мама поёт молица/ и я с ней пойду// ну и вот/ она сейчас азбука наша.../ а там «аз/ буки/ веди/ глаголи/ добро/ есть/ живете/ зело/ земля/ иже/ ииже/ како/ людие/ наш/ он/ покои/ рци/ слово/ твердо»/ ну я азбуку знаю/ и всё самоучкой/ никто меня не учил.*

Религиозные тексты старообрядчества образуют для диалектоносителей – приверженцев этого направления актуальный пласт письменной культуры, являются текстами «постоянного обращения», ср.: *есть у меня божественны книги...// да ну это вон тама у меня* (информант выражает готовность показать книги диалектологам).

Овладение грамотой, стимулированное религиозной потребностью, открывает возможности для расширения круга источников, через которые может продолжаться приобщение диалектоносителей к письменной культуре. Однако, как правило, выход за пределы религиозного круга текстов не носит широкого и систематического характера. Так, пожилая женщина (1916 г.р.) рассказывает, что нерелигиозными письменными текстами, к которым она обращается, являются только письма родных, живущих в городе. *Я плохо пишу,* – признается она; в свою очередь, адресанты переписки пишут ей письма *покрупней/ как всё равно школьники,* чтобы она разобрать написанное. Ср. также ответы диалектоносителей-старообрядцев на вопросы диалектолога о чтении газет, нерелигиозных книг: (информант

1920 г.р.) *токо местну/ «Сельска жизнь»/ то есть фу/ «Сельска»/ выпи-
сывал я раньше/ кода мать жива была/ «Сельску жизнь»/ а щечас/ забыл
как её название-то/ выписыву/ в неделе раз приносят/ на всю неде.../ на
всю неделю; (информант 1912 г.р.) *чай Вангу читала//...вот и предска-
зательница// <...> там вот ещё про эти/ про лекарства// <...> читаю/ но
мало/ плохо читаю; (информант 1926 г.р.) а я уже это/ «Сельску жизнь»
вот получал/ теперь не получаю её/ вот эту/ потому что мне некогда чи-
тать// щас сама горяча поря/ картошку рыть/ сено убирать/ ложить.**

Материал и методы

В данной статье на примере речи владеющих грамотой диалектоноси-
телей-старообрядцев мы рассмотрим специфику вхождения элементов
письменной культуры в диалектную речь.

Объектом изучения в нашем исследовании стали записи речи диалекто-
носителей, принадлежащих старообрядческой общине с. Белогорное
(бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области (в селе две
конфессиональные группы – старообрядцы и последователи официальной
церкви, что связано с историей села, см., например, [6, 7]). Проанализиро-
ваны записи речи диалектоносителей-старообрядцев, сделанные в ходе
диалектологических экспедиций Саратовского университета в с. Белогор-
ное в 1996–2009 гг. Объем текстовых расшифровок записей от 6 инфор-
мантов (мужчин и женщин) составил более 55 тыс. словоупотреблений.

На материале репрезентативной текстовой выборки (ее репрезентатив-
ность обеспечена объемом текстового массива, составом информантов)
проведен анализ фонетико-грамматических, лексических, коммуникатив-
ных особенностей речи старообрядцев с. Белогорное.

Результаты исследования

Все информанты – носители среднерусского окающего говора. В их ре-
чи регулярны такие диалектные фонетические и грамматические явления,
как неполное оканье; сохранение этимологического [о] в предударном сло-
ге (*робота, роботники, рассказывала, распались, разбирать*); ёканье (*к
нёму, ёго, сёстра, воёвал, чёго, всёго, согрёбали, дёржали, бёгут, потёкло,
лёгло, пёкли, двёнацать, сёло, смётана, зачёсалось, лётать, жона, жо-
натый*); утрата интервокального йота со стяжением гласных (*знашь, стро-
гашь, ухаживат, работат, выписыву, не придумыву, оказывают, налажи-
вут, отправляю, принимаю*); произношение твердого шипящего в соответ-
ствии с долгим мягким шипящим в литературной речи (*ишишо, выташишы-
ли, заведушиший, жариишиа*); мена /х/ на /к/ в словах *хоронить (коронить),
Пасха (Паска), хоровод (коровод)*; функционирование стяженных форм
прилагательных и местоимений (*родительска, другá, нóва, церковну, каж-
ду, русски, народны (средства), божественны (праздники), хорошеньки,
весёленьки*); употребление изменяемых постпозитивных частиц (*на празд-*

ники-ти, молодые-ти; дом-от; на Пасху-ту, до потопу-ту, по телефону-ту); употребление окончания -ими у сущ. в твор. п. мн. ч. в безударном положении после заднеязычных согласных (палкими, девчонкими, деушиками, школьниками, с туркими, с лебёдкими); расширение круга основ с окончанием -ов в род. п. мн. ч. (игрушков, мальчишков, девчочков, сыновьев, загадков, чудесов, родителей, молённов, строениев, делов, из мордвов, пьяницев, годов, улицев, песнев); тенденция к нейтрализации родовых различий в формах мн. ч. имен существительных, что выражается в особенностях распределения окончаний -ы и -а (внучаты, ребята, девчаты, крестьяны, сёлы, болоты, церква); использование в им. п. мн. ч. местоименной формы *оне*, в твор. п. ед. ч. – с *нём*; наличие в глагольных формах возвратного постфикса -си (*побоялси, женилси, боимси, стыдимси, пробираться, боис'с'и* (боишься), *научиласи*); спецификой глагольных основ и типов спряжения (*наведу-ют, залазает, отбегли, прибёгла, выбегла, садят/садут, смогём, текёт, напекёт, секётся, жгёт, оставют, заготовют, включут, появятся, молятся*), отнесенность к 1-му склонению слов *помидор* (*помидора, помидору*), *жизнь* (*жизня, жизнью*), *церковь* (*церква, церкву*) и др.

Речь информантов включает собственно диалектные, в том числе семантические и словообразовательные диалектизмы: *маненько/маненьки* 'немного, в небольшом количестве', *урядить* 'украсить, нарядить', *разряжаться* 'раздеваться, снимать одежду', *келья/фатера* 'жилое помещение, место сиделок деревенской молодежи', *усадыба* 'земельный участок', *внука* 'внучка', *теперьче/теперече* 'в настоящее время, сейчас', *утрость* 'утром', *куды* 'куда', *сюды* 'сюда', *туды, нады, неколи* 'част. ладно', *опосля* 'потом, после', *фирма* 'ферма', *зыбка* 'колыбель', *оттель* 'оттуда', *откудова* 'откуда', *сызнава* 'снова', *занасилку* 'наильно', *допрежь* 'раньше, прежде', *козулки* 'колени', *колозь* 'колодец', *спонадобиться* 'понадобиться', *жаворонки* 'маленькие сдобные булочки в форме жаворонков', *сибирка* 'нарыв', *подпоследки* 'потом, впоследствии', *инда* 'так что даже', *не токма что* 'не только', *как* 'чем' (*у нас строже как у нижних*), *тенёта* 'паутина', *кулугур* 'старовер', *взломик* 'возышенное место', *заговорки* 'знахари' *встречь* 'навстречу', *обráзить* 'починить, отремонтировать', *обряд* 'фасон, тип одежды', *исправляться* 'поправляться, выздоравливать', *пущить* 'насылать болезнь, порчу', *гулять песни* 'петь песни'.

Речь владеющих грамотой диалектоносителей-старообрядцев характеризуется также свойственными диалектной коммуникации в целом особенностями ее строения [8]. К ним относятся:

– отказ от косвенной речи в пользу прямой, ср.: *и не сказал что// «я ризу принял»; там шофёр у него Серёжей звать <...> он мне говорил что говорит/ «ждём/ ребёнка»; а мне... предъявили ультиматум/ что «долго просоздаёшь/ давай вот/ вот в соседний колхоз/ гляди»// и мы поехали/ в другой колхоз;*

– изобразительность речи (в описание ситуаций вводятся элементы наглядности, иконического ее изображения), ср.: *он вот/ как его... Михал Сергеевич Горбачёв-то/ в восемьдесят пятом году/ так вот я хорошо*

помню/ он/ делал проздравление// с Новым годом/ <...> я сидел вот диван у нас вот так был/ я сидел на диване мол/ как он проздравит/ с Новым годом/ <...> ну и начал это проздравлять/ всё говорить/ говорить/ говорить/ ну и кончил/ минут пятнадцать он говорил; перед Петровым днем хватъ/ ток к Самодуровке подъезжам/ <...> где вот Балакины/ а мне шишолк [щёлк]// пока ехала домой да у меня уж вон губа [показывает]; ну вот/ это/ привез/ он вышел/ чёй-то поговорил/ дунул на меня/ вот так дунул [показывает]// ну и все/ и поехали мы; стала знашь как доить-то/ вот глянь сюды// вот как я слюни брызнула [показывает]/ а потом начинат/ начинат/ побольше/ побольше;

– совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего повествования (представление ситуаций прошлого как происходящих «здесь и сейчас»), ср.: [о внуке, любившем ездить с дедом на тракторе] *он в бункер/ и со мной/ и вежжэ [езде] ежжует/ жариишиа такая!/ и он это/ «куда ты Серёжка?»// <...> «я с тобой дедушка/ я с тобой»;* *я и упал/ упал/ шо такое?// шо такое?;* [о смерти сына] *и сразу токо покотился/ и а-а-ах – и всё// прям при скорой помощи помер/ это вот как раз было... четырнадцатого-то Покров Богородицы/ праздник/ Покров был/ а он/ значит/, в четыре часа пятнадцатого-то/ на воскресенье-то/ в четыре часа но... утра помер// ...вот бы как бы вчера Покров Богородицы был/ а нонче на пятнадцато число он помер.*

Принципом совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения, коммуникативной тактикой перенесения ситуации прошлого в настоящее объясняется также характер обозначения участников передаваемой ситуации, ср. невыраженность референции местоимения *он*, указывающего на значительном текстовом расстоянии на разных участников описываемой ситуации: *он* [1-й участник, товарищ говорящего] *ну вали/ да/ ну и я* [2-й участник] *туды/ туды шырнул/ там трое ребят// а у них и воды нету/ ну один* [3-й участник] *говорит/ я щечас схо.../ схожу/ и токо из люка-то вылез/ и повис/ и упал прям/ суды в землянку/ снайпер наверно// эх/ мать чёсная!/ да как же вылезать-то?!!* *это он* [4-й участник, враг] *теперь заметил/ станешь вылезать и/ порешит// да/ ну всё-таки/ ну/ скоко быть-то там?// надо добираться/ ну и/ вылез/ вылез/ он* [1-й участник, товарищ говорящего] *меня дождалси там.* «Груз конкретной референции» как важнейшее свойство местоименной семантики [9. С. 10], необходимость индивидуализации референта личного местоимения в рамках данного акта речи [10] редуцируются вследствие восприятия (и передачи) говорящим описываемой ситуации как текущей с «видимыми» ее участниками.

К общим чертам диалектной коммуникации относится также тенденция к преобладанию процедурного типа знания (в сравнении со знанием декларативным), что особенно ярко проявляется в коммуникативных ситуациях, предполагающих (с точки зрения коммуникации между носителями литературного языка) сообщения декларативного характера. Так, в ответах диалектоносителей на общие вопросы диалектолога приводятся примеры конкретных ситуаций с участием говорящего, подробно описывается ис-

пользование или изготовление предметов (см.: [11]). Ср.: – Часы красивые. – *красивые*// – Вы сами выбрали? – *да ну/ висят на стенке* [в магазине]/ *я спросил/ я мол/ «сколько?»/ «двести тринадцать»/ я говорю/ «ну и давайте возьму»*; [ответ на вопрос диалектолога о том, что такое столешники] *столеешники// столешник/ столеешник/ вон пироги крыть/ а то столеешник вот на стол стелить обедать// ведь прежде клеёнки не было// вот на столеешниках обедали// вот мешечки// там эт мешульки// эт тоже все эт клали вот эт вот// <...> вот это вот столеешники вот// все это*. В подобных построениях репрезентирован свойственный носителям диалекта обыденный тип сознания (противопоставленный сознанию рациональному), который реализуется в устно-разговорных формах речи и наиболее ярко – в речи диалектной [12].

Таким образом, речь владеющих грамотой диалектоносителей-старообрядцев является типично диалектной – как по своей фонетико-грамматической структуре, лексическим особенностям, так и в аспекте ее коммуникативно-когнитивной организации.

Вместе с тем в речи информантов наблюдается специфический синтез черт устного диалектного общения с проникающими в него элементами книжно-письменных дискурсов, в значительной мере – дискурса религиозного. Взаимодействие устно-бытовой (диалектной) речевой основы с инодискурсивными элементами находит выражение и в лексическом составе речи диалектоносителей-старообрядцев, и в характере освоения инодискурсивных включений, и в особенностях функционирования гетерогенных языковых единиц, и в формах языковой рефлексии.

Лексический состав речи грамотных диалектоносителей-старообрядцев заметно обогащен единицами литературно-книжного характера (*принять* ‘получить в качестве дара’, *заведущий, комиссия, секретарь, тыловик, организатор, опись, питаться, питать, труд, трудиться, интересоваться, знаменитый, управление, изменение, продовольствие, редакция, музей, кассета, прекратить, принуждать, предки, закон, съезд, заседание, присяга, геройство, амнистия, амнистировать, постановление, ультиматум, подобен, статья, ситуация, крестообразно, героически, амнистия, беженцы, племя, исполнить, мучения, самовольство, строгости, закоренеть, внушить, новомодный, фактически, категорически, видимо* (вводное слово), *по-видимому, не могу сказать/ не могу ответить* ‘не знаю’ (*не знаю/ не могу сказать/ не могу сказать*) и др.) и лексикой религиозной тематики (*канун* ‘моление, молитва’, *верховы’е, нижние* ‘последователи разновидностей старообрядчества’, *читать псалмы, начало класть* ‘совершать религиозный обряд’, *причащаться, православный, замолитвовать* ‘начинать молитву в молебном доме’). Знание библейских сюжетов обуславливает владение фондом восходящих к ним прецедентных единиц: *потоп, усекновение головы (главы) Иоанна Предтечи*.

Инодискурсивные элементы оказываются нередко не полностью освоенными диалектоносителями и подвергаются в их речи фонетическим, грамматическим, словообразовательным модификациям (*телевизер,*

электричка / лектричка, сумовольно, репрессиев, атрофировать, сократировать, мотопфон 'магнитофон', фицер 'офицер', лазарь 'лазер', рентгелог 'рентгенолог', никониняне 'никониане', бесстыжесть, повероват 'увероват', обща́ 'сообща', секретарьщица, охранник, почтальонка), сопровождаются сигналами неуверенного знания (паузами хезитации, метавысказываниями), ср.: [о дочери] муж у ней/ как бы сказать/ преподаватель в военном училище/ в военном училище// вот он преподаватель/ вот (повтор не активного в лексиконе говорящего слова выполняет подтверждающую функцию, его прагматическая роль заключается в утверждении того, что найденное, вспомненное слово верно);

кода пошло/ раскулачивания/ начали/ ликавизация-то/ эта пошла уж... – Что пошла? – ликавизация что ли она называлась/ ну отбирали всё/ у богатых всё отбирали;

[о гибели подводной лодки «Курск»] оне сохранили этот вот... своим телом оне/ героически всё сделали// да/ заглушили ёго// как он называется/ ре... редуктор что ли ли/ как-то... – Реактор. – как? – Реактор. – да-да-да// вот;

недмит ... немитстрация [администрация] что ль какая/ я не выговорю;

[цитирует письмо внучки] «бабуля/ это у меня такое.../ как сказать/ такие планы составила я»;

а потом/ значит/ Пётр Первый дал указ/ чтоб все выходили [не прятались по лесам]/ но/ при условии/ «будете платить двойную дань» <...> вот эти/ нашей-то веры// вот вышли/ и за ними значит/ никаки это... ну... как бы назвать... репрессиев что ль/ никаких не было.

По моделям литературных способов выражения могут формироваться специфические индивидуальные конструкции. Например, по образцу знаковых информанту аналитических выражений типа *дать согласие, оказывать помощь, брать во внимание* конструируются такие выражения, как *крест делать* ('креститься'), *насмешку давать* ('насмехаться'), ср.: *молодёжь-то/ к гробу-ту/ подведёшь/ ну скажешь/ «идите/ проститесь»/ там с отцом или с матерью/ или там с братом/ ну/ родные-ти// так оне подойдут/ «а как крест делать?»// <...> я им говорю/ «вы уж не креститесь»/ это ведь если там не истово крестишьси/ то токо насмешку богу даёшь.*

Литературные единицы используются в речи диалектоносителей с изменением их литературно-нормативных значений и/или нормативной для них лексической и грамматической сочетаемости. Ср.:

...ну вот топерь повез.../ он мужик-то был такой/ вроде вот в правлении знаменитай/ повез Никифор Иваныч... (сужение значения лексемы *знаменитый*);

вот он ночью-то/ <...> трёт его [сердце]/ с ём уж приступ-то/ знашь/ он видимо.../ как бы сказать.../ ну/ чёго/ практика что ль это у него была/ чёго ли (практика в знач. 'привычка');

а церковь в двадцать девятом году сожгли// когда раскулачивали/ <...> и церковь/ значит... так её... ну... атрофировали/ что ли// и решили там сделать клуб; мать просидела пять лет// когда начали сократировать

этих... попов/ и её как за попа/ сочли (*атрофировать, сократировать* в знач. 'ликвидировать');

был гипноз/ приезжал вот к нам/ да и то/ не больно-то/ не больно угадывал// ну угадывал/ но точно-то не сказал/ тогда велосипед вот у соседа пропал/ он сказал...// он говорит «в яме/ вот недалёко/ вот недалёко»/ а точно-то не знай// ну пошли вот правильно нашли/ в яме // но это гипноз (в знач. 'ясновидение');

хоть сама себя-то я... оправдываю// хоть с себя-то ещё пока... свои-т трусы стираю/ да всё// вот (*оправдывать* в знач. 'обслуживать');

ну так немножко за кляузы тут с председателем я поругалась с сельским/ обозвала её/ «Антонина Михална/ говорю/ жандарм ты/ а не председатель» (*кляузы* употреблено в знач. 'грубость, обзывательство');

у меня/ один дед середняк/ а второй дед... по отце/ а второй дед – кулак/ вот я/ как бы сказать/ метис/ что-то такое среднее (в знач. слова *метис* редуцирована этническая семантика);

вот я вырастил кукурузу большую и за это/ получил мотоцикл/ наградили меня/ по тем временам это большая была награда!/ большой был для меня авторитет (*авторитет* употреблено в знач. 'почет');

моя мать <...> у начальника дневальной была// значит его квартиру убирали;

вот в Ярославле уж нас одели по-зимнему и вступили в оборону (в соответствии с литературным заняли оборону);

этот/ престарелый построил (номинация дом престарелых заменяется на престарелый (дом));

за вселенской поминаются все// там пять статей/ и оне все разные/ и кто какой смертью подобен/ кто какой смертью помер/ вот мы их так поминаем (краткое прилагательное *подобен* имеет здесь отличную от нормативной лексическую и грамматическую сочетаемость);

сейчас так это и ведёцы/ тут [в бывшей Самодуровке] самовольства-то много//... она уже закоренена этим (в литературном употреблении глаголу *закоренеть* свойственна иная модель управления: *закоренеть в чем?*);

вот ты бы надела вот/ степенно-то платьице – и хорошо б; была у нас церква очень красивая/ <...> решили в этой цер... начали угнётать эту вот/ за моленья/ начали строить в этой церкви сцену/ будет мол театр (ненормативная сочетаемость лексем *степенный, угнетать* с неодушевленным существительным);

скажут/ «вот это бабка молодец/ государству дает пользу» (вм. *приносит пользу государству*);

тогда не ездили на самолетах;

в двадцать третьем/ начался урожай/ стали жить люди// и стали было жить хорошо/ стали некоторые коллективы делать/ в коллективы сходить;

мы выбрали там/ старосту/ и вот всё у нас управление идёт/ староста нами управляет.

Поскольку книжно-письменный компонент в коммуникативной компетенции диалектоносителя-старообрядца базируется в основном на религиозных текстах, то именно со стороны этого круга текстов наблюдается наиболее заметное влияние на диалектную в своей основе речь говорящего (религиозная обрядность как основа проникновения в обиходную диалектную речь церковнославянизмов и церковных терминов отмечена также Т.Н. Поповой, см. [13. С. 144]).

Элементы религиозного дискурса включаются в речь диалектоносителей в виде прямого цитирования (иногда значительного объема) или пересказа религиозных текстов с присущими им фонетико-грамматическими особенностями (а), реже – в виде употребления в собственной речи устаревших слов (б) и отдельных форм (в), восходящих к письменному религиозному дискурсу (в последнем случае наблюдается славяно-русская вариативность форм). Ср.:

а) *я вот пою/ [поёт] блажени/ непорочи/ помяни господи душу рабы своя; [поёт] Кому повем печаль мою?/ Кого призову по рыданию?/ Токмо тебе/ владыко мой/ Я плакала бы и день и ночь// Рахиль Рахиль/ мать моя/ Пролей слезы и по Господу;*

а сейчас я вам скажу/ [поёт] Богородице дева радуйся.../ Мария господь с тобой/ благословенна ты в женах/ благословенен плод чрева твое/ яко подала еси спаса избавителя душ наших;

Уж ты смерть страшна ужасна/ Отпусти меня на час/ Хоть на час/ на мало время/ На белом свету пожить/ И греховную одежду С покаянием сложить/ О безумне человеце/ Пошто поздно замышлять/ Уж твой разум помрачился/ И уста твои молчать;

Живый в помощи Вышняго/ в крове Бога Небесного помолимся [вм. водворится]// Рече Господи [вм. речет Господеви]/ Заступник наш.. [поправляется] мой еси и Прибежище мое// Бог мой/ и уповаю на Него (псалом до конца прочитан по памяти 84-летней женщиной – с небольшими отступлениями от канонического текста);

а с еретиком/ тоже есть написано/ с еретиком/ вот не пить/ и не есть/ и не вкупе Богу молиться/ это в моленной вкупе// вот// и ласково слово глаголить нельзя.

б) *в Красильну-ту субботу ничего не едим// только что укрухи/ хлеба/ немножко/ и всё; крест должен быть сложенный/ двоеперстие/ и надо класть на чело <...> на пуп/ на левое рамо... на правое рамо/ его надо/ и чтобы/ стук креста слышно было на раме.*

в) в соответствии с церковнославянским правописанием и произношением в словах на -ие может отсутствовать редукция -и: *писание, по-божии, моление, пение* (во время службы), *погребение, крещение*: *в этом/ в писани-ти// у нас/ у нас-ту по-божии писани-то/ а оне [церковные] вроде тоже по-божии/ но по-другому совсем; приходите вот на праздник и слушайте какое наше моление и пение; это надо приходите вам на моление/ там вы можете всё узнать* (ср. в речи того же информанта: [о пасхальной службе] *это ну-кошь постой-ка/ а тут петь нады/ а моление знаешь ка-*

кое? там одно пенье/ до самого до утра; [о церковной службе] это разве моление? это только насмешка богу; вот так/ дочки/ если в нашу веру перейти – эт/ знаешь/ надо какой страх иметь божий// это штаны-ти носить-то не нады// не по-божьи). Лексические единицы, не связанные с религиозной сферой, регулярно произносятся в исконно русской огласовке: мне пришло награждение туда/ медаль за боевые заслуги; вот куры/ это уж для развлеченья тока; я и названья-то не знаю этих таблеток; и в уставе написано/ кадить токо надо крестообразно/ а не это мотанье (ср. наблюдения Т.Н. Поповой о приобретении в диалектной речи «более разговорной, просторечной окраски» книжными суффиксами *-ние, -ение* за счет распространения вариантов *-нье, -енье, ньё* [13. С. 143; 14. С. 81].

Элементы разных дискурсивных сфер образуют в речи диалектоносителей-старообрядцев своеобразный сплав, формируя гетерогенный, «смешанный» по своему характеру тип коммуникации, отличительной чертой которого является использование разных по своей дискурсивной маркированности средств, находящихся в отношениях свободного, функционально не обусловленного взаимодействия. В устную диалектную речь старообрядцев проникают элементы книжно-письменного, в том числе религиозного дискурса (а) (характерное для речи старообрядцев «вхождение письменных текстов в процессы повседневной коммуникации» было отмечено в [15. С. 65]); в свою очередь, диалект проникает в религиозный дискурс [7. С. 44], в пересказы сюжетов из религиозной литературы (б).

Ср.: (а) веришь в Бога значит живёшь// <...> а если только верить/ <...> [Бог] начнёт толкать и поспешивать;

сейчас ведь/ девчонки/ не гуляют так свадьбы-то/ там все раньше собирались и гуляем/ три дня гуляем// а сейчас чё// прям большое изменение против... тех разóв/ большое девчонки изменение;

[о сгоревшей церкви, которую власти намеревались переделать в клуб] вроде народ и успокоились/ лучшие пусть сгорело/ нежели её поганить;

вот было там постановление чтобы собрать... взять хлеб взад/ тогда был голод;

а ёго/ этого вот самого как бы сказать/ это я так предполагаю/ хорошего-то коммуниста/ потом/ прис... это/ приписали ему статью как... за... это... как сговор с кулачеством/ ему приписали такое/ как вроде он это/ с кулачеством был связанный/ ёго расстреляли;

сперва нужно было сделать/ лебёдки/ с лебёdkими я... сразу не получилось/ со трёх раз/ с третьего разу получилась у меня/ отличная ле... лебёдка/ гидравлическа// ну вы-то не з... не понимаете/ что такое гидравлическа вот/ вы в техническом прогрессе ничего не понимаете// вот/ создал эту/ лебёdkу/ а потом нам нужно было делать стоговоз/ ну большую тележку/ вон тележку видали? а это большая/ ...она/ раза в полтора ширьше/ и раза два/ вон тракторна тележка/ и раза в два длиннее// я ещ... стал было создавать/ а мне... предъявили ультиматум;

он сперва сказал что это/ про него/ то есть/ его биографию/ немножко сказал/ что вот он/ по какем-то обстоятельствам/ ничего не сказал точ-

но-то/ сидел в тюрьме// и вот теперь он.../ ну.../ одну тюремную песню тоже вот это он/ пел;

[диалог с диалектологами] – А где же квартируете? – Мы в школе живём. – Питаетесь?// там питают?/ эт вы странствуете?/ теперечи столовых нету? да эт вы странствуете? да (употребление слова *странствовать* поддержано, по всей видимости, знанием его религиозного употребления в значении ‘ходить пешком на богомолье, быть странником’);

да может какой православный? но не никонианин? ну вот он был коли-то нижний? бог его знает/ а потом перешел/ и тогда все мотались кто куды знат;

...а звать знали [о будущем]/ ну скоко лет прошло этому времени/ и всё писали/ как оне назывались?// ведь не иноки? а забыл я/ пророки/ пророки пророчили за тысячу лет/ вот они вот писали/ это пророки пророчили за тысячу лет/ вот;

ну я помазала с Богородицей раза три// титьки/ вымя [у коровы]// и вот забыла чего читала я [о молитве];

[рассуждение о допустимости принятия спиртного] и даже вот когда на Паску <...> когда Исус Христос воскресает/ вот/ по единой значит нам ставит этот... ну... настоятель? специально приносит и угацивает// для подкрепленья сил// это ну-кось постой-ка/ а тут петь нады/ а моленье знаешь какое?/ там одно пенье? до самого до утра/ уж язык не возитя/ придёшь домой-то/ уж тут и делать ничего/ а только скорей брякнешьси// вот// ну и/ так-то... если компания/ это ведь опять есть писано в уставе/ Кесарю говорит отслужи кесарево/ а Богу служи Богово? вот приехал ко мне сын-то / ну как же не выпить с нём?

(б) а там вон [в Писании] написано/ в подостаннее время вот не будет этого вот/ причастия/ оно вымрет (ср. диал. *остальный, останный* ‘последний’, нареч. *подбсталь* ‘под конец’);

когда господь.../ земля и небо будет гореть на двёнацать локтей выгорит земля/ вот/ земля и небо будет гореть/ вот глядите девчонки на восход как появятся кресты на небе/ всё/ это господь суда сойдёт/ вот так вот в книжонке написано;

[пересказ библейского сюжета о потопе] вот построил всё-таки до этого// до потопу-ту? и вот такой был потоп/ он.../ оне с бабой-то? на этот корабль/ и поплыли// вот/ теперече/ а.../ а тут говорит/ люди-то/ на.../ на деревьях/ на деревьях и то жонились/ вот как/ видют гибель/ гибель/ гибель/ а на деревьях говорит и то жонились/ вот како время было это вот потоп был;

Во всех приведенных случаях отмечается функциональная недифференцированность средств разных социально-функциональных подсистем, разных дискурсивных типов, т.е. нефункциональная вариативность речи. Исследованный нами материал не позволяет согласиться с мнением о наличии у диалектоносителей диалектно-литературного двуязычия, для которого характерны функциональное распределение, выбор языковых средств в соответствии со спецификой коммуникативных актов (ср.:

«...взаимодействие литературного языка и говоров реализуется в языковом контактировании. Характер этого контактирования называют диалектно-литературным двуязычием. При двуязычии <...> сосуществуют и диалектное, и литературное наименования одного и того же предмета, явления и употребление этих слов зависит от речевой ситуации» [16. С. 184–185]).

Вместе с тем в речи владеющих грамотой диалектоносителей-старообрядцев наблюдаются элементы преодоления нефункциональной вариативности. Так, церковнославянские фонетические и грамматические формы встречаются чаще в речевых фрагментах, апеллирующих к письменным источникам, ср.: *там опять написано.../ «смешавшись языци/ и навлекоша все дела дьявольские»*. Устойчивой в таких фрагментах является предикативная конструкция с глагольной связкой в настоящем времени: *там в Писании есть писано; у нас есть в уставе сказано; тоже есть написано*. См. также приведенные выше фрагменты цитирования и пересказа религиозных текстов.

Тенденция к функциональному распределению языковых средств проявляется в освоении диалектоносителями некоторых дискурсивных форм книжной речи и осознании уместности их использования в определенных коммуникативных условиях. Ср. начало диалога информанта 1912 г.р. с диалектологами, приготовившими звукозаписывающую аппаратуру: *ну давай начинай// чего... али этот будет?* [имеет в виду магнитофон]/ *я/ Осокина Мария Васильевна/ родилась... в тысячу девятьсот двенадцатого года// буду рассказывать что я помню*. В пересказе очередной серии телесериала последовательно передается фреймовая структура ситуации судебного заседания с включением характерных для данной ситуации речевых формул: *ну вот суди... судили ёго// всё спрашивали/ «как... что ты нам последнее слово скажешь?»/ а он говорит/ «я скажу то/ что... я не виноват <...> ну если вы уж/ граждане судьи/ меня не поймёте/ засудите/ то я... самоубийство в тюрьме/ рецусь» <...> и вот на этом дело кончилось/ и оне совещание ушли/ советовать/ и всё ещё советуют*. Информант 1926 г.р. прерывает свой рассказ о сельском ходеке к царю вставкой, моделирующей письменное изложение этой истории; обнаруживает понимание специфики письменной передачи содержания (см. дистрибуцию лексем *заплакать* и *прослезиться*): *вот когда он стал жаловаться-то/ вот так и так/ «нас опять притесняют»/ и все эти... как бы это сказать... ордена и медали/ все эти кресты/ когда ему вывалил/ царь аж прослезилси// вот так вот и надо написать/ историю/ «и царь...» [обращается к диалектологу] *вот/ напиши// поставь точки// три точки// и дальше/ запиши/ заглавие/ с маленькой буквы/ «...и царь заплакал»// конечно/ царь не заплакал – царь прослезилси; далее на значительном текстовом расстоянии: *вот когда будете писать/ запишите/ «царь заплакал»/ <...> вот видишь// когда наш/ туда приехал/ когда ордена-медали вывалил/ ёму на стол/ и он прослезилси*.**

Преодоление свободного (нефункционального) варьирования выражается также в осознании используемых речевых средств (следствием такого

осознания являются метакомментарии). Например, функциональная ограниченность устаревшей и религиозной лексики иногда (но не всегда) осознается говорящим, что стимулирует его к метакомментариям, ср.: *крест... надо класть на чѣло/ это вот называется лоб – чѣло*; «сгущение» показателей метаязыковой рефлексии в отношении единиц религиозной тематики в речи диалектоносителей-старообрядцев описано нами в [17, 18].

Метакомментарии, возникающие по инициативе говорящего, обнаруживают специфику его языкового сознания, выявляют в том числе его представления о языковой компетенции собеседников. Ср.: [из рассказа о войне] *...связисты/ ну это/ связь по радио котора/ по этому/ по телефону-ту/ говорят; ...ну вот Окатинска Маза/ Дубовска Маза/ Струневска// это сѣлы эдак зовут// ...и ее и эту хотели так/ а потом подумали говорят «нет это будет Самодуровка – самолѣ... самовольно поселѣна»/ вот из-за чего Самодуровкой зовут; ...ну пускай это/ самодуры живут тута/ и назвали так Самодуровкой; ...и на взломик/ мостик/ и на взломик ехать надо; вот я сюды вышла [замуж]/ тятенька сказал/ свекор/ свекор/ отец мужнин....*

В [19] было показано, что усиление метаязыковой рефлексии связано с распространением грамотности среди диалектоносителей; приобщение к письменной культуре ведет к лучшему осознанию речи, к изменению баланса между обыденным и рациональным сознанием.

Заключение

В целом монологические фрагменты речи диалектоносителей-старообрядцев представляют собой тип «смешанного» текста (о феномене «смешанного» текста см. [20]), объединяющего элементы разных языковых подсистем: диалектизмы разных уровней, другие разнородные лексико-фразеологические и грамматические средства: просторечные, книжные, устаревшие единицы, единицы религиозной сферы (см. анализ междиомного взаимодействия на примере речи одной языковой личности носителя диалекта в [21]).

Речь владеющих грамотой диалектоносителей представляет собой тип коммуникации, иллюстрирующий переход от бесписьменной народноречевой традиции к культуре, включающей элементарную грамотность. При сохранении своей диалектной основы, нефункциональной вариативности как отличительной черты диалектной коммуникации в сравнении с литературной речь грамотных носителей диалекта характеризуется элементами функционального распределения языковых средств, усилением метаязыковой рефлексии.

Изменения в диалектной коммуникации, связанные с распространением грамотности среди носителей диалекта, носят, очевидно, вариативный характер. Специфика изменений определяется источником грамотности, конкретным кругом письменных текстов, которые входят в коммуникативное пространство диалектоносителя, становятся частью его коммуни-

кативной компетенции наряду с усвоенной устным путем народно-речевой традицией.

Показанные в данном исследовании особенности вхождения элементов письменной культуры в диалектную коммуникацию на примере речи владеющих грамотой диалектоносителей-старообрядцев можно оценивать как один из вариантов общей динамики народно-речевой традиции, связанной с воздействием письменной составляющей на изначально бесписьменную диалектную культуру. Варианты синтеза бесписьменной народно-речевой традиции с элементами письменной речевой культуры требуют дальнейшего изучения.

Список источников

1. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Заметки о речи устной, речи бесписьменной и языковом сознании диалектоносителей // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Вып. 12 : Диалектология. С. 263–271.
2. Баранникова Л.И. Общее и русское языкознание: Избранные работы / сост. В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова. М. : URSS: КомКнига, 2005. 256 с.
3. Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1: Индоевропейские языки. М., 1966. С. 55–122.
4. Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7 (243). С. 105–114.
5. Никитина С.Е. Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста // История и география русских старообрядческих говоров. М., 1995. С. 84–92.
6. Бибикина М.Ю. Старообрядчество г. Вольска и Вольского уезда XVII – XIX веков // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 186–189.
7. Никитина С.Е. Устные жанры в конфессиональной культуре (старообрядцы в сопоставлении с молоканами и духоборами) // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2008. С. 36–64.
8. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985. 272 с.
10. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 5–12.
11. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3 (9). М. : Наука, 2008. С. 398–413.
12. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Устно-разговорная речь и обыденное сознание // Русская устная речь. Саратов : Амирит, 2016. Вып. 2. С. 170–180.
13. Попова Т.Н. О проникновении книжных формантов в процесс диалектного словопроизводства // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: труды и материалы. Казань, 2001. Т. 1. С. 142–144.
14. Попова Т.Н. Субстантивы на -ние, -ение в диалектном словообразовании // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания : труды и материалы. Казань, 2006. Т. 2. С. 80–82.
15. Данилко Е.С. «Далекie земли» в «последние времена»: эсхатология и утопия в современной старообрядческой среде // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2013. С. 65–69.

16. Колесов В.В. Русская диалектология. М. : Высшая школа, 1998. 207 с.
17. Крючкова О.Ю. Рефлексивность диалектной речи // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум. Саратов : Наука, 2008. С. 214–223.
18. Крючкова О.Ю. Метаязыковая и метакоммуникативная рефлексия как результат социально-культурных различий между коммуникантами (на материале русской диалектной речи) // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения. М., 2012. С. 259–268.
19. Крючкова О.Ю. Шкала осознания речи как показатель динамических процессов в диалектной коммуникации и сознании диалектоносителей // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2020. Вып. 3 (209). С. 96–103.
20. Нецименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М. : Наука, 2003. 279 с.
21. Крючкова О.Ю. Речь диалектоносителя-старообрядца (феномен «смешанного» текста) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. № 2. С. 256–266.

References

1. Gol'din, V.E. & Kryuchkova, O.Yu. (2017) Zametki o rechi ustnoy, rechi bespis'mennoy i yazykovom soznanii dialektonositeley [Notes on oral speech, non-written speech and linguistic consciousness of dialect speakers]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 12. pp. 263–271.
2. Barannikova, L.I. (2005) *Obshchee i russkoe yazykoznanie. Izbrannye raboty* [General and Russian Linguistics. Selected Works]. Moscow: URSS: KomKniga.
3. Panov, M.V. (1966) Russkiy yazyk [Russian Language]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the Peoples of the USSR]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 55–122.
4. Zakharov, A.V. (2004) Traditsionnaya kul'tura v sovremennom obshchestve [Traditional culture in modern society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7 (243). pp. 105–114.
5. Nikitina, S.E. (1995) Staroobryadchestvo kak konfessional'naya kul'tura: vzglyad etnolingvиста [Old Believers as a confessional culture: an ethnolinguist's view]. In: Karmakova, O.E. & Safonova, Yu.A. (eds) *Istoriya i geografiya russkikh staroobryadcheskikh govorov* [Old Believers as a Confessional Culture: An ethnolinguist's view]. Moscow: IRL RAS. pp. 84–92.
6. Bibikova, M.Yu. (2000) Staroobryadchestvo g. Vol'ska i Vol'skogo uезда XVII–XIX vekov [Old Believers in the city of Volsk and the Volsk district of the 17th–19th centuries]. In: Maksimov, E.K. (ed.) *Saratovskoe Povolzh'e v panorame vekov: istoriya, traditsii, problem* [Saratov Volga Region in the Panorama of Centuries: History, traditions, problems]. Saratov: Saratov State University. pp. 186–189.
7. Nikitina, S.E. (2008) Ustnye zhanry v konfessional'noy kul'ture (staroobryadtsy v sopostavlenii s molokanami i dukhoborami) [Oral genres in confessional culture (Old Believers in comparison with Molokans and Doukhobors)]. In: Kasatkin, L.L. (ed.) *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya* [Russian Old Believers: Language, culture, history]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 36–64.
8. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Philology Dr. Diss. Saratov.
9. Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [The Utterance and Its Correlation with Reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka.
10. Krylov, S.A. (1989) O semantike mestoimennykh slov i vyrazheniy [On the semantics of pronominal words and expressions]. In: Pen'kovskiy, A.B. (ed.) *Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika* [Russian Pronouns: Semantics and grammar]. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute. pp. 5–12.

11. Gol'din, V.E. & Kryuchkova, O.Yu. (2008) Tekst i znanie v dialektnoy kommunikatsii [Text and knowledge in dialect communication]. In: Kasatkin, L.L. (ed.) *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and Researches on Russian Dialectology]. Vol. 3 (9). Moscow: Nauka. pp. 398–413.
12. Kryuchkova, O.Yu. & Gol'din, V.E. (2016) Ustno-razgovornaya rech' i obydennoe soznanie [Oral speech and everyday consciousness]. In: Kryuchkov, O.Yu. (ed.) *Russkaya ustnaya rech'* [Russian Oral Speech]. Saratov: Amirit. 2. pp. 170–180.
13. Popova, T.N. (2001) [On the Penetration of Book Formants into the Process of Dialect Word Production]. *Boduenovskie chteniya: Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika* [Baudouin Readings: Baudouin de Courtenay and Modern Linguistics]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Kazan. 11–13 December. 2001. Kazan: Kazan State University. pp. 142–144. (In Russian).
14. Popova, T.N. (2006) [Substantives ending in -nie, -enie in dialect word formation]. *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I.A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznanija* [III International Baudouin Readings: I.A. Baudouin de Courtenay and modern problems of theoretical and applied linguistics]. Proceedings of the 3rd International Conference. Kazan. 23–25 May 2006. Vol. 2. Kazan: Kazan State University. pp. 80–82. (In Russian).
15. Danilko, E.S. (2013) “Dalekie zemli” v “poslednie vremena”: eskhatologiya i utopiya v sovremennoy staroobryadcheskoy srede [“Distant Lands” in the “Last Times”: Eschatology and Utopia in the Modern Old Believer Environment]. In: Kasatkin, L.L. (ed.) *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya* [Russian Old Believers: Language, Culture, History]. Moscow: IRL RAS. pp. 65–69.
16. Kolesov, V.V. (1998) *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Kryuchkova, O.Yu. (2008) [Reflectivity of dialect speech]. *Yazyk. – Soznanie. – Kul'tura. – Sotsium* [Language. – Consciousness. – Culture. – Society]. Proceedings of the International Conference. Saratov. 6–8 October 2008. Saratov: Nauka. pp. 214–223. (In Russian).
18. Kryuchkova, O.Yu. (2012) Metayazykovaya i metakommunikativnaya refleksiya kak rezul'tat sotsial'no-kul'turnykh razlichiy mezhdru kommunikantami (na materiale russkoy dialektnoy rechi) [Metalinguistic and metacommunicative reflection as a result of social and cultural differences between communicants (based on Russian dialect speech)]. In: Rosanova, N.N. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Vol. 5. Moscow: FLINTA: Nauka. pp. 259–268.
19. Kryuchkova, O.Yu. (2020) The Scale of Speech Awareness as an Indicator of Dynamic Processes in Dialect Communication and Consciousness of Dialect Speakers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 3 (209). pp. 96–103. (In Russian).
20. Neshchimenko, G.P. (2003) *Yazykovaya situatsiya v slavyanskikh stranakh* [The Linguistic Situation in the Slavic Countries]. Moscow: Nauka.
21. Kryuchkova, O.Yu. (2021) Rech' dialektonositelya-staroobryadtsa (fenomen “smeshannogo” teksta) [Speech of an Old Believer Dialect Speaker (The Phenomenon of a “Mixed” Text)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 2. pp. 256–266.

Информация об авторе:

Крючкова О.Ю. – д-р филол. наук, профессор, зав. каф. теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: vpks@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.Yu. Kryuchkova, Dr. Sci. (Philology), Professor, head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: vpks@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.12.2021;
одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 12.01.2023.*

*The article was submitted 24.12.2021;
approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 12.01.2023.*